

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/XCDMOA>
УДК 821.161.01.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРДЫ В «ЖИТИИ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО»: ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2025 г. Е.А. Андреева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 30 марта 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-114-125>

Аннотация: В статье рассматриваются способы воссоздания чужого, чуждого и потому в целом враждебного пространства, ставшего местом гибели Михаила Тверского (1318 г.). Автор жития разрушает традицию создания условного, типичного и статичного пространства — фона событий. Описания реального пространства наполнены лиризмом и горечью, что подчеркивается использованиями тропов и синтаксических конструкций. Агиограф описывает обычаи и традиции ордынцев, при этом избегая однобоких характеристик и обобщений, представляя среди отрицательных героев в том числе представителей русского народа. Особая характеристика сопровождает хана Узбека, с одной стороны, признаваемого легитимным правителем, царем, а с другой — уподобляемого жестоким правителям древности и судящего незаконно и несправедливо. Становится очевидным, что «Житие Михаила Ярославича Тверского» имеет особое значение в аспекте имагологии, научной дисциплины, изучающей образы «чужих» наций и народов. Текст дает возможность сформировать представление об особенностях народа-завоевателя, народа — наказания Божия, изображение которого мало интересовало древнерусских книжников.

Ключевые слова: Орда, художественное пространство, имагология, локус, обычаи, чужой.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Для цитирования: Андреева Е.А. Изображение Орды в «Житии Михаила Ярославича Тверского»: имагологический аспект // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 3. С. 114–125. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-114-125>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 3, 2025

IMAGE OF THE HORDE IN *THE LIFE* OF MIKHAIL YAROSLAVICH OF TVER: IMAGOLOGICAL ASPECT

© 2025. Ekaterina A. Andreeva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 30, 2023

Approved after reviewing: June 21, 2023

Date of publication: September 25, 2025

Abstract: The article discusses ways to recreate an alien and generally hostile space that became the place of death of Mikhail Tversky. The author of the hagiography destroys the tradition of creating a conventional, typical, and static space as the background of events. Descriptions of real space are filled with lyricism and bitterness, which is emphasized by the use of tropes and syntactic constructions. The hagiographer describes the customs and traditions of the Horde, while avoiding one-sided characteristics and generalizations, representing among the negative heroes representatives of the Russians. A special characteristic accompanies the Uzbek Khan, on the one hand, recognized as a legitimate ruler, a king, and on the other — likened to the cruel rulers of antiquity and judging illegally and unfairly. It becomes obvious that *The Life of Mikhail Yaroslavich of Tver* has a special significance in the aspect of imagology, a scientific discipline that studies the images of “foreign” nations and peoples. The text provides an opportunity to form an idea of the peculiarities of the conquering people and the people represented as a punishment from God, the depiction of which was of little interest to Old Russian scribes.

Keywords: Horde, artistic space, imagology, locus, customs, alien.

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

For citation: Andreeva, E.A. “Image of the Horde in *The Life of Mikhail Yaroslavich of Tver*: Imagological Aspect.” *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 3, 2025, pp. 114–125. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-114-125>

Хорошо известно, что во многих восточных и западных источниках были зафиксированы воспоминания о посещении ордынской ставки, описаны нравы и обычаи незнакомого и чуждого народа. Восточные источники сообщали информацию более подробно, они стремились дать оценку политике ханов и с интересом приглядывались к захватчикам, пытаясь «разгадать» причину их успеха и найти эффективные способы взаимодействия. Западные авторы исходили из традиционной точки зрения на завоевателей: монголы — это лишенный человеческих качеств народ, злой, незаконный, стремящийся подчинить мир, посланный Богом в наказание за грехи. Согласно христианским канонам, нет власти, которая не от Бога, а потому правление хана (вне зависимости от личности) расценивалось как законное. В древнерусских летописных и житийных памятниках он последовательно именовался царем, а русские удельные князья исправно ездили в ставку за подтверждением своих прав на княжение — ярлыком. «Практически общим местом является возвеличивание монгольских ханов на фоне крайне негативной оценки основной массы монголов», — писал Ю. Дробышев [1, с. 116].

Нашествие ордынцев на Русь воспринималось как стихийное бедствие, и древнерусские книжники никогда не ставили перед собой задачу изучать и анализировать произошедшее, они не видели необходимости в том, чтобы узнать об ордынцах больше, лучше их понять, не всегда даже старались в полной мере зафиксировать увиденное в ставке, сводя уникальное (но чуждое) к общехристианским топосам. Прямые речи представителей ордынской власти или ордынской массы служили в первую очередь для того, чтобы охарактеризовать героев-князей, показать несходство за-

хватчиков и православных, точнее, утвердить полную и безоговорочную моральную правоту своих над чужими. Ордынское пространство часто становилось лишь условным фоном, статичным и однообразным, лишенным индивидуальных, колоритных черт, ничего не дающим для понимания образа врага.

Однако «Житие Михаила Ярославича Тверского» можно считать тем уникальным древнерусским памятником, в котором ордынское пространство играет особую роль. Этот текст содержит достаточно подробное описание судебного разбирательства и дает возможность реконструировать особенности судопроизводства ордынцев в начале XIV в.: «На основе анализа жития можно выделить основные стадии судопроизводства: возбуждение дела и вызов в суд, исследование судом доказательств, показания сторон и свидетелей, меры пресечения, вынесение решения, его утверждение и вступление в силу. Упоминаются виды доказательств, характерные для суда того времени: устные показания сторон и свидетелей, письменные документы (“грамоты”), присяга в случае их отсутствия...» [6, с. 100]. Очевидно, что автор, человек духовного сословия (игумен Тверского Отроча монастыря Александр, по авторитетному мнению историка В.А. Кучкина [3]), не ставил перед собой задачу воспроизвести в точности весь судебный процесс, но тем не менее ему в полной мере удалось показать особенности судопроизводства в ставке хана Узбека.

Орда — это, конечно, прежде всего географическое пространство, остававшееся не своим, чужим и чуждым (неосвоенным) для древнерусского человека, а потому не до конца понятным и в недостаточной степени понятным. Географические уточнения, наполненные особым лиризмом и эмоциональностью, используются автором, но только не для описания своей земли, а локусов на территории «чужого» государства, которые не всякий русский человек мог сам увидеть и которые, возможно, автор видел впервые. Таких мест в житии Михаила Тверского три.

Первое описание пространства дается через уточнение, наименование знакомых гидронимов: «дошедшу же ему в Орду <...> на оусть рѣки Дону, иде же течеть в море Сурожское» [9, с. 141]. Древнерусскому человеку было известно, где находится устье реки Дон, где река впадает в Азовское море. Именно здесь открывается неизвестное, чуждое пространство, это своего рода граница между знакомым (своим) и неведомым (чужим).

Во втором эпизоде — «за рекою Теркомъ, на рѣцѣ на Сѣвѣнцѣхъ под городомъ Тютяковымъ, минувши горы высокия Ясскыя Черкасскыя, близ Вратъ Желѣзныхъ» [9, с. 151] — используется фольклорный прием ступенчатого сужения образов. Кроме географического уточнения, перед нами художественный прием, параллелизм, который показывает, как сужается пространство главного героя: он был великим русским князем, а в ставке хана Узбека стал пленником, ожидающим приговора (сужение пространства и изменение статуса героя). Использованные в данном обороте топонимы — это город Дедаков, реки Терек и Сунжа, а под Железными Воротами подразумевается или одна из крепостей с воротами, обитыми железом, в хребте Кавказских гор, или же Дербент, который в восточных источниках именовался Железными Воротами [3, с. 45].

Рассказывая о третьем локусе, автор от топографического принципа описания переходит к эмоционально-оценочному: «и превезоша за реку, рекомую Адежь, еже речется Горестъ» [9, с. 156]. Название реки (ныне протекающей по территории Дагестана), через которую везут тело убитого Михаила Ярославича, соотносится с внутренними переживаниями людей, оплакивающих князя. Не случайно после этого описания следует эмоциональный авторский пассаж, в основе которого как раз находится размышление о «горести» от утраты: «Горестъ бо намъ воистинну, братие, в тои час бысть, видѣвшимъ такову смерть поносную господина своего...» [9, с. 156]. Лексема, в одном предложении являвшаяся наименованием реки (Адежь — горькая река, в которой вода с горьковатым привкусом) и имевшая значение характеристики по вкусу, в следующем предложении превращается в метафору, служит для описания внутреннего состояния людей, понесших утрату.

Составителю пространной редакции «Жития Михаила Ярославича Тверского» удастся рассказать о некоторых ордынских обычаях. Во-первых, это, конечно, обычай получения ханского ярлыка (вокруг этого строится весь конфликт повествования). Михаил Тверской, ставший великим князем владимирским по принципу старшинства в роде, вступил в спор с московским князем Юрием, а потому вынужден был отстаивать свое право на владение престолом. Об обычае ездить в Орду за ярлыком автор пишет, размышляя о причинах монголо-татарского пленения: «Оттолѣ начяхом дань даяти по татарьскому языку, и егда коему княземъ нашимъ достовашеся

княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящи множество имѣния своего» [9, с. 129]. Происходящее не рассматривается как событие из ряда вон выходящее, скорее — как дело обычное, факт. Также автор сообщает и о поездке тверского князя к хану Узбеку, не забывая упомянуть, что он — законный наследник престола: после смерти Андрея Городецкого, который «благослови его на свои столъ» [9, с. 130].

Помимо обычая выдавать ярлыки, ордынцы, по мнению агиографа, имели еще один: «Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими, себѣ множайшая дары възимають» [9, с. 131]. Рассорив русских князей, ордынцы ищут способ нажиться, обогатиться, а потому можно сказать, что особенностью их менталитета автор считает жажду наживы, сребролюбие. В этом древнерусский книжник солидарен с итальянским монахом-францисканцем Плано Карпини, который зафиксировал следующее: «Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают свое...» [2, с. 41].

Еще об одном ордынском обычае сообщает главный враг Михаила Тверского, его судья и обвинитель, ханский посол Кавгадый после слушания, когда тверской князь уже находился в темнице, был закован в цепи и посажен в колодку, у него отняли вещи, а свита была отдалена. Кавгадый повелел привести князя на площадь, поставил перед собой на колени на виду у множества людей. Он говорит о таком обычае: «Вѣдая буди, Михаиле, такъ царевъ обычаи: ажъ будетъ ему кого нелюбо, хотя от своего племяни, то таково древо въскладают на него; едва же гнѣвъ царевъ минеть, то паки в первую честь введеть его» [9, с. 149]. Во-первых, Кавгадый здесь говорит не от своего имени, а от имени хана, подчеркивая, что решение вынесет только Узбек. Во-вторых, Кавгадый заявляет, что для хана безразлично, какой веры и национальности обвиняемый, суд его одинаков в отношении всех подданных: ордынцев и русских. В-третьих, решение суда зависит не только от доказанности вины/невиновности, но и от личного отношения (личной воли, настроения) хана — от его гнева или милости. Так Кавгадый дает надежду Михаилу Ярославичу на спасение, продолжая душевную пытку героя. Является ли этот поступок — глумление над князем — повелением Узбека или личной инициативой Кавгадыя, неизвестно. Очевидно, что ханский посол старается отомстить за свое прежнее пленение тверским князем (хотя автор ранее упоминал, что Кавгадыю были оказаны почести как хан-

скому послу: «приведе окааннаго Ковгадыя в дом свои, и много почтивъ его и одаривъ, отпусти его» [9, с. 137]). Ссылаясь на ханский обычай, Кавгадый снимает с себя ответственность за происходящее.

Кроме того, в тексте возникает символическое пространство — образ чужого места, где царит беззаконие (суд осуждает невиновного), где правят неверные (в образе Михаила особенно подчеркивается его христианское смирение, его приверженность православным традициям и обычаям), неспособные оценить личность и подвиг тверского князя. Орда — это место, где дьявол чинит свои козни. Юрий Московский, давший обещание митрополиту Максиму не искать в Орде великого княжения, оказавшись в ставке, сразу же попадает под влияние нечистых сил, причем дьявол действует не напрямую, не через православного князя, но через нечестивых татар: «не хотяще добра роду християнскому дьяволъ, вложи въ сердце княземъ татарьскимъ свадиша братию, рекоша князю Юрью: “Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ княжение великое”» [9, с. 131]. Более того, дьявол продолжает свои козни даже после того, как тверской и московский князья договариваются о мире: «А еще сварястася многажды миръ межу собою, но врагъ дияволъ паки рать въздвизаше» [9, с. 133].

Нечестивым изначально представлен и хан Узбек, который решил принять ислам — «богъмерьскую вѣру сродиньскую». Агиограф очень аккуратно дает характеристику хану, а потому пользуется аллюзиями и сравнениями, вспоминая «нечестивых» правителей прошлого: римского императора Тита, завоевавшего Иерусалим, византийского императора-узурпатора Фоку, прославившегося своей жестокостью в Царьграде. По выражению автора, о таких, как Узбек, царские дети в вавилонском плену говорят: «Предасть ны в руцѣ царю немилостиву законопреступну, лукавнѣишу паче вся земля» [9, с. 132]. Очевидно, что древнерусский книжник проводит аналогию между ханом Узбеком и Навуходоносором, захватившим и уничтожившим Иерусалим (см. подробнее: [7]). Однако до конца остается неясным, каким было отношение реального (а не литературного) Узбека к исламу, который был им принят как основная религия. Историк А.Г. Юрченко пишет, что принятие данной религии (а не христианства или буддизма) было поступком прагматическим и что его нельзя однозначно считать основным на пути отказа от веротерпимости, началом гонения на представителей других конфессий [8, с. 286].

Ордынское пространство, воссоздаваемое в житии, не может быть охарактеризовано однозначно: не каждый из представителей Орды нарисован только черными красками, не все ордынцы ведут себя однозначно отрицательно, подвержены дьявольскому влиянию. Поэтому невозможно в полной мере согласиться с выводом, сделанным Ю.В. Селезевым, который утверждает: «При описании пространства автор “Жития...” разделяет его, в первую очередь, по религиозному признаку. Русь, принявшая православие, рассматривается как страна, наполненная благодатью Всевышнего» [7, с. 112]; «...ордынское пространство выступает как подвластная дьяволу территория и, соответственно, явно враждебная православной земле» [7, с. 114]. В тексте жития есть размышление автора, явно заимствованное из летописного источника, о причинах ордынского пленения, среди которых следующая: «Сего не терпя врагъ душъ наших, опромѣташеся лъстивии, како бы съвратити съ правааго пути их, и въложи въ сердце их зависть, ненависть, братооубиство начя въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат меньшии под старѣшимъ братомъ, оумножися неправда и злоба многа въ челоуѣцѣх, и предашася въ слабость свѣта его скороминующаго» [9, с. 129]. Как видим, дьявольскому наущению подвержены не только поганые татаро-монголы, принимающие ислам, но и православные люди. Данное утверждение повторяется дважды, причем второе упоминание — это прямое указание на подверженность народа дьявольским проискам: «Господь же премилостивый богъ, не терпя видѣти погыбающа от диявола род нашъ <...> хотя обратити от злобъ нашихъ <...> преда нас в руцѣ измаилтяном» [9, с. 129]. Таким образом, ордынское нашествие — это Божественное попущение, призванное избавить Русь от дьявольского наваждения, вернуть православных христиан на путь истинный. Безусловно, Орда — это то место, где дьявол проявляет себя, но нельзя в полной мере говорить о том, что в «Житии Михаила Ярославича Тверского» ордынское пространство выступает только как подвластная дьяволу территория.

Например, ханша (пусть и второстепенный персонаж) представлена в ином свете: она покровительствует тверскому князю, спасает от возможной гибели его сына Константина и его подданных: «И отосла сына своего Костянтина къ царице» [9, с. 154]; «А дружина наша <...> оубѣжаша в Орду ко царице» [9, с. 156]. Она прямо автором никак не охарактеризована (более того, она даже не совершает в тексте конкретных действий), но извест-

но, какая участь постигла тех русских, кто не успел убежать к ханше: «а других изимаша, влечахут нагы, терзаючи нещадно, акы нѣкыа злодѣя, и приведши въ станы своя, оутвердиша въ оковахъ» [9, с. 156]. Таким же образом ведут себя хан и ханша в отношении другого древнерусского князя, Федора Ростиславича Черного (Чермного, Красивого), т. е. мотив ханского заступничества, хоть и редко, но встречается в древнерусских агиографических текстах. Образы «нетипичных» ордынцев всегда привлекали внимание летописцев и агиографов, а потому общеизвестны истории Петра Ордынского, татарского баскака Мирагана — деда будущего святого Пафнутия Боровского, сборщика податей Буги (Бугая).

Безусловно, в смерти Михаила Тверского повинны и хан Узбек, утвердивший приговор, и судья Кавгадый, и Юрий Московский, затеявший спор о великом престоле, однако приговор исполняют отнюдь не ордынцы. В тексте жития они именуются не татарами, а «оубиицами», посланными Кавгадыем и Юрием, а один из них назван по имени — Романец, что говорит о причастности русского (православного?) к смерти князя: «И сеи един от незаконных, именем Романецъ, и извлече великыи ножъ, оудари в ребра святого в десную страну, и обращая ножъ сѣмо и овамо, отрѣза честное и непорочное сердце его» [9, с. 154–155]. Сама казнь нетипична для ордынцев, так ножом зарезали братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба. В Орде же бытовали две разновидности казни: бескровная (удушение, утопление, перелом позвонков — для почетных преступников) и кровавая (для лиц неханского происхождения или тех, кто не заслуживал уважения), чаще всего путем отсечения головы (Михаил Черниговский) или всех членов тела (Роман Рязанский и Александр Михайлович Тверской и его сын Федор с последующим отсечением головы).

Орда становится тем местом, где происходит трансформация персонажа — московского князя, именно здесь он представлен как клятвопреступник, корыстолюбец, человек, охваченный страстью — стремлением любой ценой сесть на великий стол. Образ Юрия Московского не раскрыт подробно в тексте жития (скорее, персонаж предстает перед читателями в различных ипостасях), так как агиограф ставил перед собой иную цель — вписать Михаила Тверского в сонм святых, доказать его право таковым считаться и называться. В этом смысле Юрий Данилович — персонаж «неудобный», неоднозначный, представленный в разных ситуациях

по-разному. Он одновременно «свой» (русский, православный, удельный, а позже великий князь, получивший ярлык из рук хана) и в то же время «чужой» (подверженный дьявольским наущениям, коварный, уподобившийся ордынцам как враждебной массе). Его инаковость не в вере (внутреннем состоянии), но в поступках (внешних проявлениях), не зря он ни разу не предстает произносящим молитву и нарушает крестоцелование.

Интересно рассмотреть один спорный эпизод в житии — эпизод с мертвым нагим телом Михаила Тверского. Кавгадый «лаяше с яростью» (не говорит, но лает, как собака) Юрию Московскому: «Не отец ли тебе бяшет князь великий?! Да чему тако лежит тѣло наго повержено?» [9, с. 156] (удивительная эмоциональность для героя-злодея). И спокойные, а потому кажущиеся проявлением равнодушия действия московского князя: велел своим людям покрыть. Один накрыл котыгой (рубахой), которую носил (не новой или своей?), другой — якыптом (войлочным плащом). Почему ордынец, инициатор казни, упрекает русского князя в небрежении к телу убитого? Этот эпизод дает дополнительную характеристику отрицательному герою, обеляя его, или же очерняет в глазах читателей московского князя? Думается, что перед нами эпизод, раскрывающий еще один обычай Орды — уважение к старшему. Кавгадый неслучайно указывает на родство князей, на старшинство Михаила в роде, его не интересует вопрос статуса русского князя (великий князь или нет, они все — подданные Орды). «Положения о почитании старших младшими, о подчинении родителям, старшим братьям и начальникам, а также недопустимость унижения старшими младших были установлены Чингиз-ханом и в дальнейшем подтверждались его преемниками» [5, с. 133].

Таким образом, ордынское пространство в житии — это не просто фон для основных событий. Образ Орды и ордынцев не менее важен, неоднороден и ярок, наряду с образами русских князей. Автору удалось зафиксировать обычаи завоевателей, при этом придерживаясь типичной, распространенной на Руси традиции описания героев-захватчиков, героев-иноверцев. Сквозь пафос утверждения святости Михаила Тверского можно рассмотреть некое любопытство, стремление к детализации, точности в описании происходящего; для автора, очевидца событий и близкого князю человека, важно было не просто встроить текст в существовавший канон, но и передать суть произошедшего в ставке хана, отчасти выступить в роли хроникера, а не только панегириста.

Если посмотреть на ордынское пространство в аспекте имагологии (научной дисциплины, которая ставит перед собой задачу изучить образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта), см. подробнее: [4], то очевидно, что перед читателем жития воссоздается особая атмосфера: жестокий мир, несправедливый, но держащий в подчинении, не допускающий свободомыслия. Это мир, который хоть и неоднороден в своей основе, как было сказано выше, но чужд древнерусскому православному (на это делается акцент) мировоззрению и менталитету. В житии ордынцев сопровождают исключительно отрицательные (по коннотации) номинации, в основе которых лежит отношение к вере (тенгрианству как язычеству и исламу, принятому Узбеку, как к чуждой и враждебной религии).

Формируется устойчивое представление о постоянных чертах целого народа-завоевателя, народа — «наказания божия». Однако авторская логика (логика очевидца, а не отстраненного автора, ставящего перед собой цель создать абстрактный образ святого) рушит известный стереотип, так как реальность не вмещается в рамки литературного канона, а потому образ врага лишается однозначности и приобретает нехарактерные для литературы Древней Руси особенности.

Список литературы

Исследования

- 1 Дробышев Ю.А. Образ монгольских завоевателей в западных и восточных источниках: опыт сравнительного анализа // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 106–120. [https://doi.org/10.14258/nreug\(2021\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreug(2021)2-08)
- 2 Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло / пер. И.М. Минаев. М.: Мысль, 1997. 460 с.
- 3 Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 291 с.
- 4 Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.
- 5 Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
- 6 Почекаев Р.Ю. Суд над благоверным князем Михаилом Тверским в 1318 г.: процессуальные аспекты // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 92–102.

- 7 Селезнев Ю.В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житии Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 112–114.
- 8 Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2017. 400 с.

Источники

- 9 Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Вып. 2. С. 116–163.

References

- 1 Drobyshev, Iu.A. "Obraz mongol'skikh zavoevatelei v zapadnykh i vostochnykh istochnikakh: opyt sravnitel'nogo analiza" ["The Image of the Mongol Conquerors in Western and Eastern Sources: The Experience of Comparative Analysis"]. *Narody i religii Evrazii*, no. 2 (27), 2021, pp. 106–120. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-08) (In Russ.)
- 2 Karpini, Dzhovanni del' Plano. *Istoriia mongalov*. G. De Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnye strany. Kniga Marko Polo* [*The History of the Mongols. G. de Rubruk. Journey to the Eastern Countries. The Book of Marco Polo*], trans. I.M. Minaev. Moscow, Mysl' Publ., 1997. 460 p. (In Russ.)
- 3 Kuchkin, V.A. *Povesti o Mikhaile Tverskom. Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie* [*The Story of Mikhail Tversky. Historical and Textual Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 291 p. (In Russ.)
- 4 Papilova, E.V. "Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina" ["Imagology as a Humanitarian Discipline"]. *Vestnik MGGU im. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, no. 4, 2011, pp. 31–40. (In Russ.)
- 5 Pochekaev, R.Iu. *Pravo Zolotoi Ordy* [*The Law of the Golden Horde*]. Kazan, Fen AN RT Publ., 2009. 260 p. (In Russ.)
- 6 Pochekaev, R.Iu. "Sud nad blagovernym kniazem Mikhailom Tverskim v 1318 g.: protsessual'nye aspekty" ["The Trial of the Blessed Prince Mikhail of Tver in 1318: Procedural Aspects"]. *Paleorosiia. Drevniia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, no. 2 (10), 2018, pp. 92–102. (In Russ.)
- 7 Seleznev, Iu.V. "Opisanie svoego (russkogo) i chuzhogo (ordynskogo) prostranstva v 'Zhitii Mikhaila Tverskogo'." ["Description of One's (Russian) and Another's (Horde) Space in the 'Life of Mikhail Tversky'."]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 2, 2007, pp. 112–114. (In Russ.)
- 8 Iurchenko, A.G. *Khan Uzbek: Mezhdue imperiei i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt* [*Uzbek Khan: Between the Empire and Islam (Structures of Everyday Life). Summary*]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017. 400 p. (In Russ.)